

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.8>

UDC 94(47).084.8
LBC 63.3(2)62

Submitted: 11.09.2022
Accepted: 08.12.2022

LENINGRAD HOUSEHOLD MANAGER DURING THE BLOCKADE: AREA OF RESPONSIBILITY AND IMAGE¹

Olga A. Gavrilova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Mikhail V. Khodjakov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation;
State Memorial Museum of the Defense and Blockade of Leningrad, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The key figures in the communal services of Leningrad during the period of the city blockade were the household managers – upravkhozy. Their functions were determined by a special regulation adopted and approved by the executive committee of the Leningrad City Council on the eve of the Great Patriotic War. Household managers were supposed to monitor the state of the household, including the housing stock, regulate the passport regime, carry out the correct and timely collection (and in some cases, accrual) of apartment and utility bills. With the help of the employees subordinate to them, they were obliged to carry out routine repairs of the housing stock. **Methods and Materials.** Using a set of documents deposited in the archives, as well as diaries and official decisions of the Leningrad leaders during the war, the authors highlight the emotional background of the blockaded city. Along with the solution of the food problem, an important task in the conditions of massive shelling and bombing was the preservation of the housing stock in a satisfactory condition. **Analysis.** Being subordinate to the district council executive committee, the household managers accumulated in their hands the funds and property of the household, they hired and fired a significant part of the workers, and had the right to impose disciplinary sanctions on them. In the emergency conditions of the blockade, they became the most important link between the party and Soviet leadership of their district and the tenants. Since there was often no effective control over the work of the household managers, they were able to decide at their own discretion, without the sanction of the housing department, on the distribution of vacated rooms and apartments that belonged to deceased and evacuated residents of Leningrad. **Results.** On the basis of a set of documents, including archival materials, the article examines the impact of Leningrad administrative farms on the daily life of Leningraders during the years of the blockade. It is concluded that the abuses of household managers were explained by their low wages, insufficient professional training to solve complex issues of public utilities and a low educational level. **Authors' contribution.** O.A. Gavrilova identified historical sources, analyzed the official decrees issued by the leadership of Leningrad. M.V. Khodjakov analyzed archival materials and memoirs of blockade survivors, designed the text of the article.

Key words: blockade of Leningrad, Great Patriotic War, housing policy, urban economy, household manager.

Citation. Gavrilova O.A., Khodjakov M.V. Leningrad Household Manager During the Blockade: Area of Responsibility and Image. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 85-93. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.8>

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)62

Дата поступления статьи: 11.09.2022
Дата принятия статьи: 08.12.2022

ЛЕНИНГРАДСКИЙ УПРАВХОЗ В ГОДЫ БЛОКАДЫ: ЗОНА ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ОБРАЗ¹

Ольга Александровна Гаврилова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Михаил Викторович Ходяков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Государственный мемориальный Музей обороны и блокады Ленинграда,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Одной из ключевых фигур в коммунальном хозяйстве Ленинграда в период блокады города был управляющий хозяйством – управхоз (управдом). Функции управхозов были определены специальным положением, принятым и утвержденным исполкомом Ленинградского городского Совета накануне Великой Отечественной войны. Управхозы должны были следить за состоянием домового хозяйства, включая жилой фонд, регулировать паспортный режим, осуществлять правильное и своевременное взимание (а в ряде случаев и начисление) квартирной и арендной платы, а также платы за коммунальные услуги. С помощью подчиненных им работников управхозы были обязаны осуществлять текущий ремонт жилого фонда. Используя комплекс документов, отложившихся в архивах, а также дневники и официальные постановления руководителей Ленинграда военной поры, авторы освещают эмоциональный фон блокированного города. Наряду с решением продовольственной проблемы важной задачей в условиях массированных обстрелов и бомбежек стало сохранение в удовлетворительном состоянии жилого фонда. Находясь в подчинении исполкома районного Совета, управхоз аккумулировал в своих руках денежные средства и имущество домохозяйства, он принимал на работу и увольнял значительную часть работников, имел право вынесения им дисциплинарных взысканий. В чрезвычайных условиях блокады он становился важнейшим звеном между партийным и советским руководством своего района и квартиросъемщиками. Поскольку действенный контроль за работой управляющего хозяйством часто отсутствовал, он по своему усмотрению без санкции жилищного управления мог решать вопросы распределения освобождавшихся комнат и квартир не только умерших, но и эвакуированных жителей Ленинграда. На основе комплекса документов, в том числе архивных материалов, в статье рассматривается влияние ленинградских управхозов на повседневную жизнь ленинградцев в годы блокады. Делается вывод о том, что злоупотребления управхозов объяснялись их низкой заработной платой, недостаточной профессиональной подготовкой для решения сложных вопросов коммунального хозяйства и невысоким образовательным уровнем. *Вклад авторов.* О.А. Гаврилова выявила исторические источники, провела анализ официальных постановлений, изданных руководством Ленинграда. М.В. Ходяков проанализировал архивные материалы и мемуарные свидетельства блокадников, оформил текст статьи.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, Великая Отечественная война, жилищная политика, городское хозяйство, управляющий хозяйством.

Цитирование. Гаврилова О. А., Ходяков М. В. Ленинградский управхоз в годы блокады: зона ответственности и образ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 85–93. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.8>

Введение. В годы Великой Отечественной войны управляющие домохозяйствами (управдомы, управхозы) играли важную роль в жизни осажденного Ленинграда. В ходе одного из заседаний исполкома Ленинградского городского Совета (ЛГС) они были названы «центральной фигурой в жилищном хозяйстве» города [22, с. 99]. От действий управхоза в чрезвычайных условиях блокады нередко зависела жизнь людей. Несмотря на многообразие научных исследований, посвященных экономике Ленинграда в годы войны, фигура управхоза оставалась в тени даже в работах, характеризующих коммунальное хозяйство города [10; 13, с. 137–150]. Его деятельность в той или иной степени затронута преимущественно в мемуарах и дневниках. Лишь в последние годы появились публикации, в которых

характеризуется не только состояние жилого фонда Ленинграда в годы войны и блокады, но и каждодневная деятельность управхозов [7; 21–23]. Цель статьи заключается в том, чтобы определить реальную роль управхоза в жизни осажденного Ленинграда, оценить его место в системе коммунального хозяйства.

Методы и материалы. Помимо общенаучного системного подхода в сочетании с принципом историзма в статье используется метод исторической реконструкции, который позволяет авторам воссоздать неизвестные и наиболее важные события и процессы, связанные с деятельностью руководителей Ленинграда разного уровня, провозгласивших своей целью социальное равенство, но сохранивших в годы войны различия в практиках

решения жилищных проблем «верхов» и «низов» общества. В процессе подготовки статьи использовались подходы, выработанные в рамках эмициологии. Обращение к исследованию эмоциональных составляющих блокады позволяет по-новому осмыслить ряд проблем, наполнив их качественно новым содержанием. Внимание к нуждам, чаяниям, переживаниям, потребностям и судьбам ленинградцев – одна из важных составляющих статьи.

В ходе работы авторы опирались на комплекс документов, отложившихся в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб): Департамент по содержанию жилищного фонда комитета по управлению городским хозяйством мэрии Санкт-Петербурга. 1934–1994 (Р-1008), Санкт-Петербургский городской Совет народных депутатов. 1917–1993 (Р-7384); Плановая комиссия исполкома Ленгорсовета. 1931–1989 (Р-2076), Статистическое управление города Ленинграда – ЦСУ СМ СССР. 1918–1974 (Р-4965). В ходе подготовки статьи также были задействованы официальные распоряжения исполкома Ленинградского городского Совета военной поры, публиковавшиеся в «Бюллетене Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся» (далее – Бюллетень ЛГС). Важным источником для анализа проблемы стали опубликованные стенограммы заседаний, записи обсуждений, решения по вопросам городского хозяйства, принятые на заседаниях исполкома ЛГС в 1941–1943 годах. Используемые в статье дневники блокадников позволяют увидеть, как расширялась сфера деятельности управхоза, менялись его должностные обязанности, а вместе с этим и возможности влиять на блокадный быт ленинградцев.

Анализ. К началу войны острота жилищного вопроса в полной мере осознавалась партийным, советским и хозяйственным руководством Ленинграда. Жилье строилось медленно и тяжело. Инвентаризация домового фонда, осуществленная к 1937 г., зафиксировала в городе 30 427 строений, в том числе 23 858 жилых [9, с. 2]. В тот момент в Ленинграде на одного человека в среднем приходилось 5,7 кв. м жилой площади. В действительности в рабочих районах эти показатели были

значительно ниже. Обеспеченность свыше 40 % горожан жилой площадью не превышала 3–4 кв. м на человека [14, л. 9].

Упорядочить «квартирный вопрос» в Ленинграде было призвано положение «Об управляющим домом», утвержденное исполкомом Ленинградского городского совета (ЛГС) 24 апреля 1941 года. В нем подчеркивалось, что основной задачей управляющего домом являлось сохранение и укрепление доверенного ему государством жилого фонда и создание лучших условий обслуживания для проживающего в доме населения. Управляющий домом должен был назначаться из числа лиц, имеющих необходимые знания, хозяйственный опыт и прошедших аттестацию при исполкоме районного Совета. Назначал его начальник районного жилищного управления (РЖУ) по согласованию с начальником районного отделения милиции. После этого предложенная кандидатура утверждалась исполкомом районного Совета с присвоением управхозу определенной категории. В своей повседневной деятельности он подчинялся РЖУ и работал под его руководством. Управляющий вел домовое хозяйство на началах хозяйственного расчета, в соответствии с хозяйственно-финансовыми планами, утвержденными исполкомом районного Совета. Управляющему домом был подчинен весь аппарат домоуправления. Он единолично распоряжался денежными средствами и имуществом домохозяйства, осуществлял наем и увольнение работников, имел право вынесения им дисциплинарных взысканий. Лишь наем и увольнение бухгалтера и счетовода домоуправления должны были утверждаться РЖУ, а дворников и ночных сторожей – согласовываться с начальником районного отделения милиции. Управхоз непосредственно «на основе единоначалия» управлял отдельным домом или группой домов. Он должен был следить за содержанием в чистоте домов, дворов, лестниц, подвалов, лифтов, чердаков, прачечных, мест общего пользования. В обязанности управляющего входило благоустройство дома, его своевременный ремонт, проведение необходимых мероприятий, обеспечивающих нормальную эксплуатацию канализации, водопровода, газопровода, центрального отопления и т. д. [3, с. 5].

В предвоенный период 25 РЖУ города объединяли 3 568 домохозяйств, руководство которыми осуществляли 3 380 управхозов. В их подчинении находились 27 723 человека, включая 8 479 дворников, 9 523 «прочих работников», 3 207 рабочих по текущему ремонту и 3 134 человека из категории «счетного и конторского персонала» и т. д. [19, л. 4].

Важной частью работы управляющего было заключение договоров найма со съемщиками жилых помещений, правильное и своевременное взимание квартирной и арендной платы, а также платы за коммунальные услуги. Периодический осмотр квартир и нежилых помещений должен был способствовать точному учету управляющим и передаче им в РЖУ сведений о наличии в доме жилой площади [3, с. 6]. Правила внутреннего распорядка в квартирах, утвержденные Наркоматом коммунального хозяйства, также предписывали управхозам следить за наличием свободных помещений и излишками жилплощади [16, с. 8–16].

Летом 1941 г. в Ленинград хлынул поток беженцев. Это побудило городское руководство к ужесточению паспортного режима и правил прописки [15, с. 8]. Кроме того, положение «Об управляющим домом» предписывало управхозу осуществлять своевременную прописку прибывающих в дом, выписку выбывающих, недопущение проживания в доме граждан, не прописанных органами милиции или с просроченной пропиской, наблюдение за военнообязанными, своевременную явку призывников в военкоматы, военно-учетный стол или пункты мобилизации [3, с. 6]. Решение исполкома Ленгорсовета, принятое 30 июля 1941 г., ставило вопрос еще более жестко. Оно обязывало управдомов, комендантов и домовладельцев «строго следить за лицами, вновь прибывшими на проживание в дом, требуя от них немедленной личной явки в отделение милиции для разрешения вопроса о прописке». Те, кто по долгу своих служебных обязанностей, допускал проживание в доме людей без паспортов или без прописки, подлежали ответственности в административном порядке. Они могли быть оштрафованы на сумму до 3 000 руб. или лишены свободы сроком до 6 месяцев [4, с. 1].

С целью организации внутренней жизни дома управхоз в случае проживания в кварти-

ре нескольких самостоятельных съемщиков жилой площади, по согласованию с ними, назначал ответственных по квартире лиц. Он имел право предъявлять иски о выселении за «неплатеж квартплаты», разрушение жилплощади, систематическое нарушение правил внутреннего распорядка в квартирах [3, с. 7]. Этими рычагами в годы блокады управхозы неоднократно пользовались: из-за неуплаты квартплаты они отказывались заверять стандартные справки на получение продовольственных карточек, требовали от жильцов документы из райздравицы, трудкомиссии и т. д., а от подростков – справки из РОНО, в ряде случаев обрекая своими действиями людей на голодную смерть. Ленгорисполком пытался пресекать такие действия управхозов, называя их «преступными» [6, с. 2–3], забывая, однако, при этом, что именно на его решения от 28 декабря 1941 г. и 16 февраля 1942 г. опирались руководители домохозяйств, когда реализовывали меры, «обеспечивающие ликвидацию задолженности по квартирной и арендной плате» [4, с. 82].

Постепенно контроль за деятельностью управхозов усиливался. 30 апреля 1942 г. решением исполкома Ленгорсовета была образована Имущественно-жилищная общественная инспекция при ЛЖУ и утверждено Положение об ее назначении и функциях. Основной задачей инспекции становился контроль за правильным распределением домохозяйствами жилой площади и охраной имущества эвакуированных и призванных в ряды РККА. В ее состав могли входить представители профсоюзов и комсомольских организаций, актив домохозяйств, депутаты городского и районных советов. В случае обнаружения фактов незаконного предоставления и разбазаривания жилой площади, расхищения имущества следовало передавать материалы в следственные органы для привлечения виновных к ответственности [18].

То, что факты хищений имущества из пустующих квартир умерших, эвакуированных и находящихся в армии не были редкостью, признавал и начальник ЛЖУ Б.М. Мотылев. Выступая на заседании исполкома Ленгорсовета 30 июля 1942 г., он констатировал: «Действительно, по домам шел повальный грабёж. Управхозы выдавали любую комнату кому

удбно, брали вещи кто хотел. Положение было такое: начальники райжилотделов каждый день были новые, причем люди малограмотные, люди безответственные, которые заявляли: «А я при чем, что вы с меня спрашиваете, я же не знаю ничего в этом деле». Управхозы менялись все время» [21, с. 231].

После первой блокадной зимы, катастрофической смертности населения [20] и первых волн эвакуации [24] часть управхозов присвоила себе некоторые не свойственные им функции. Так, в приказе начальника ЛЖУ от 8 июля 1942 г. говорилось о том, что «...управдомы выдают частным лицам справки о наличии свободной жилой площади, разрешают производить осмотр квартир и комнат без разрешения райжилотделов и Ленжилуправления». Руководство ЛЖУ запрещало управхозам осуществлять подобные действия [17, л. 2].

Председатель Октябрьского райисполкома А.А. Бубнов, выступивший в июле 1942 г. за жесткое наказание тех, кто занимался кражей имущества эвакуированных (вплоть до расстрела), полагал, что одной из причин нерешенности данного вопроса является не в полной мере определенная зона ответственности должностных лиц: «У нас недоработана структура райжилотдела в части ответственности за сохранность имущества военнослужащих и уезжающих граждан. До организации райжилотделов распределением жилплощади занимались райжилуправления. Теперь мы их выделили и сказали им: занимайтесь управхозами, а без райжилотдела, без его ордера никто поселиться в квартиру не может» [21, с. 232].

Ленжилуправление также пыталось взять под контроль «переселенческую политику», производившуюся управхозами. ЛЖУ неоднократно принимало решения, направленные на то, чтобы, во-первых, переселение жильцов из верхних этажей в нижние производилось по временным ордерам, выданным на основании сведений, подготовленных управляющими домохозяйствами. А, во-вторых, стремилось покончить с практикой, когда жильцы без достаточных оснований переселялись с первого этажа на второй и третий, оставляя прежние квартиры и комнаты незастроенными. Это приводило к нарушению экс-

плуатации жилого фонда, выводило из строя системы домового водопровода и канализации [17, л. 23–24].

Правильная организация дела в домохозяйствах происходила с трудом. В ходе заседания исполкома ЛГС 18 марта 1943 г. были озвучены факты «возмутительного отношения к гражданам» во Фрунзенском районе. Начальник РЖУ сообщила о случаях бесконтрольного заселения квартир, при котором опись имущества не производилась: «Укрывается свободная площадь, отказываются от проверки... 16 управдомов самовольно заселяли жилплощадь, воровали вещи, не подчинялись распоряжениям» [22, с. 155].

Жилищные метаморфозы осажденного Ленинграда емко и образно отразила в своем дневнике «блокадная муза» О.Ф. Берггольц. 9 июля 1942 г. она записала: «Третьего дня мы... переехали с нашего 7 этажа из “блиндажа” с небом – в пятый этаж, в отдельную квартиру из 2-х комнат. Это, как и сотни квартир в Ленинграде, – вымершая квартира... Мой быт накладывался на чей-то чужой, потухший, умерший быт. Меня не покидало ощущение, что это – чужая квартира, что хозяйева еще могут вернуться, хотя я знаю, что этого не будет» [1, с. 242–243]. В сентябре 1942 г., желая оформить свой очередной переезд официально, О.Ф. Берггольц пыталась попасть на прием к первому секретарю Куйбышевского райкома ВКП(б) Н.В. Лизунову: «...жду звонка от секретарши Лизунова, примет он меня или нет. Хочу кланчить у него квартиру...» [1, с. 267]. Наконец, выбрав себе новое жилье в доме на улице Рубинштейна (до 1929 г. – ул. Троицкая. – О. Г., М. Х.), 9 октября 1942 г. она фиксирует в дневнике: «Завтра мне должны дать ордер на ту квартиру на Троицкой, – несколько неприятных улаживаний с вымогательницей-управхозом, и можно будет переезжать» [1, с. 273].

Именно личными контактами с управхозом рядовой блокадник был вынужден решать свои жилищные проблемы: «Сегодня был у нас управхоз Иван Петрович, окончательно говорили о предоставлении нам комнаты Наталии Васильевны, смежной с нашей, и Алексея Феликсовича рядом с кухней, вполне договорились, и с первого числа обещал нам все перевести и начислять квартплату. За все это

пришлось поблагодарить, выпили вместе поллитра вина и кое-чего дали ему» [8].

Вымогательство управхозов имело под собой объективные причины. Среди них – низкая зарплата. Желающих работать в данной сфере было немного. К тем, кто не справлялся с порученной работой, городское руководство применяло жесткие санкции. «Ленинградская правда» в марте 1942 г. опубликовала на своих страницах заметку «Управдом-бездельник», в которой сообщала о том, что управхоз по улице Войнова, д. 44б за свою бездеятельность был осужден на 3 года лишения свободы [11]. Данная практика продолжалась и в дальнейшем. Так, решением исполкома ЛГС от 24 декабря 1942 г. председателем исполкомов Свердловского и Ленинского райсоветов было предложено «...рассмотреть вопрос о привлечении к строжайшей ответственности управляющих домами и участковых техников Райжилуправлений, допустивших развал работы в домохозяйствах» [5, с. 6]. Публиковавшиеся в прессе сообщения о награждении отличившихся управляющих домохозяйствами в корне ситуацию не меняли [12].

Только административными мерами решить кадровый вопрос оказалось невозможно. Председатель исполкома Куйбышевского районного Совета А.Е. Пудов, выступая на заседании исполкома ЛГС 4 марта 1943 г. по вопросу «О работе с управдомами», указал на значительную текучесть кадров. Он отметил, что в районе при наличии 197 управхозов имелось 90 заявлений об их освобождении от работы. Одним из действенных средств, способных изменить положение вещей, он считал повышение заработной платы управхозов и ликвидацию уравниловки в оценке их труда. В качестве примера приводилась реальная ситуация в домохозяйствах Выборгского района. В одном из них было 200 домов и 1 500 съемщиков (Шувалово), а в другом – 6 корпусов при таком же количестве съемщиков (Батенинский жилмассив в районе Лесного проспекта). Вне зависимости от величины хозяйства управхоз получал зарплату 375 руб. [22, с. 101]. Пригласить на работу в жилищную сферу инженеров или техников с окладом 400–500 руб. было невозможно. От таких предложений они наотрез отказывались.

Только в июне 1943 г. данный вопрос был отчасти смягчен. Решением Ленгорисполкома

зарплата управхозов устанавливалась в зависимости от площади домохозяйства. Минимальная ставка 350 руб. вводилась там, где площадь не превышала 2 500 кв. м, максимальная – 700 руб. при площади домохозяйства от 7 до 10 тыс. кв. м [22, с. 135].

Налаживанию работы управхозов должны были способствовать и другие факторы. В годы войны происходило укрупнение домохозяйств. Вместо 3 568, существовавших в первой половине 1941 г., в январе 1942 г. их стало 2 484, а к январю 1943 г. – 2 459 [22, с. 135]. К моменту окончания войны РЖУ объединяли 2 438 домохозяйств с общим числом работников 26 135 чел. [19, л. 4]. Разумеется, сокращение количества домохозяйств было также обусловлено разрушением жилого фонда – как вследствие вражеских бомбардировок, так и в результате плановой кампании по слому деревянных домов в Ленинграде, официально проводившейся в течение месяца с 1 сентября 1942 г. [2, с. 445–448; 7, с. 855–864].

Помимо укрупнения домохозяйств, решением Ленгорисполкома от 8 июля 1943 г. были введены должности заместителей управхозов. Не прекращалась и подготовка кадров для жилищного хозяйства. Ее должен был осуществлять Жилищный техникум, образованный по решению Ленгорисполкома от 1 ноября 1942 г. [22, с. 135]. Однако быстро исправить положение это не могло. Большинство управхозов были женщинами, поступившими на работу в годы войны. К моменту снятия блокады из общего числа управляющих домохозяйствами 53,5 % имели низшее образование и лишь 55 чел. – высшее или среднетехническое. Стаж работы свыше трех лет был только у 32,5 % управхозов [19, л. 5]. Плановая и систематическая работа управхозов, занимавшихся сплочением жильцов, наведением чистоты во дворах, ремонтными и восстановительными работами, отмечалась в тех случаях, когда они являлись членами партии и направлялись в домохозяйства райкомами ВКП(б) с промышленных предприятий [22, с. 100].

После полного снятия блокады в январе 1944 г. количество управхозов и находящихся в их подчинении работников начало возрастать, несмотря на некоторое сокращение численности домохозяйств (см. таблицу).

Таблица. Данные о домохозяйствах Ленинграда (на 1 января)

Table. Information about households in Leningrad (as of January 1)

Годы	Количество домохозяйств	Общее число работников	В том числе				
			управляющие	счетные работники и конторский персонал	дворники	рабочие по текущему ремонту	прочие работники
1944	2 444	22 288	2 391	3 163	8 049	2 660	6 025
1945	2 438	26 135	2 460	3 512	8 712	4 115	7 336

Примечание. Источник: [19, л. 4].

Результаты. Деятельность управхозов в осажденном Ленинграде проходила в чрезвычайно сложных условиях. Систематические вражеские бомбардировки и артиллерийские обстрелы приводили к разрушению жилого фонда. Несколько волн эвакуации и колоссальная смертность населения на рубеже 1941–1942 гг. привели к резкому сокращению численности жителей – с 3,2 млн в начале войны до 600 тыс. человек к весне 1943 года. На протяжении всего этого времени управхозы имели возможность влиять на решение острых для ленинградцев жилищных вопросов. Находясь в подчинении исполкомов местных Советов и Ленинградского жилищного управления, они в условиях острого дефицита ресурсов занимались текущими вопросами коммунального хозяйства на своих участках: ремонтом зданий, очисткой придомовой территории, восстановлением коммуникаций и т. д. На должностях управхозов находились преимущественно женщины, большинство из них были плохо подготовлены для работы в данной сфере. Имея невысокую заработную плату, они нередко использовали свое служебное положение для решения жилищных вопросов в границах курируемых ими домохозяйств. Руководствуясь официальными установками «сверху», они должны были контролировать порядок оплаты жильцами коммунальных услуг, а в ряде случаев – выдачи продовольственных карточек. Это обстоятельство превращало их в «вершителей судеб» тысяч ленинградцев, которые вели отчаянную борьбу за выживание в осажденном городе.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00617 «Зап-

ретный город»: жилищная политика в Ленинграде в 1940-е годы».

This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00617 “The Forbidden City”: Housing Policy in Leningrad in the 1940s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берггольц О. Ф. Блокадный дневник: (1941–1945). СПб. : Вита Нова, 2015. 556 с.
2. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Ч. II: Март – декабрь 1942 г. / отв. сост. К. А. Болдовский. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. 1261 с.
3. Бюллетень ЛГС. 1941. № 21–22.
4. Бюллетень ЛГС. 1941. № 30.
5. Бюллетень ЛГС. 1943. № 1–2.
6. Бюллетень ЛГС. 1943. № 9–10.
7. Гаврилова О. А., Сунь И. Реновация в условиях блокады: снос районов деревянной застройки в Ленинграде. 1941–1942 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 853–869.
8. Гуральник Н. Блокада Ленинграда с 1942 по 1943 г. Запись от 10 ноября 1942 г. // Личный архив Ирины Лукьянец.
9. Домовый фонд Ленинграда. Статистический сборник по материалам инвентаризации. Л. : Ленгоринвентарбюро, 1937. 208 с.
10. Иванов В. А., Иванов Д. В. ЖКХ блокадного Ленинграда (организационные и правовые аспекты функционирования низовых структур в 1941–1943 гг.) // Война и блокада. Сборник памяти В. М. Ковальчука / отв. ред. А. Н. Чистиков. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 97–112.
11. Ленинградская правда : газета. Л., 1942. 18 марта.
12. Ленинградская правда : газета. Л., 1942. 19 марта.
13. Манаков Н. А. В кольце блокады. Хозяйство и быт осажденного Ленинграда. Л.: Лениздат, 1961. 215 с.

14. Планы жилищного строительства в 3-ем пятилетии (1938–1942 годы) // ЦГА СПб. Ф. Р-2076. Оп. 2. Д. 71. Л. 9.

15. Повседневные документы ленинградцев в годы войны и блокады 1941–1945 гг. / отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб.: Арт-Экспресс, 2020. 236 с.

16. Правила внутреннего распорядка в квартирах. М.; Л.: Изд-во Наркомхоза РСФСР, 1940. 16 с.

17. Приказы по жилищному управлению исполкома Ленгорсовета // ЦГА СПб. Ф. Р-1008. Оп. 2. Д. 23. Л. 2.

18. Протокол заседания № 66 исполкома Ленгорсовета // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 1443. Л. 287–290.

19. Разработка годовых отчетов райжилуправлений // ЦГА СПб. Ф. Р-4965. Оп. 1. Д. 5280. Л. 4.

20. Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения истории блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 2. С. 294–323.

21. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения. 1941 – декабрь 1942 г.: сб. док. / отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб.: Арт-Экспресс, 2017. 440 с.

22. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам и решения: сб. док. / отв. ред. А. Н. Чистиков; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб.: Арт-Экспресс, 2018. 640 с.

23. Ходяков М. В. Беженцы в Ленинграде и жилищная политика городских властей на начальном этапе войны и блокады // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. С. 455–468.

24. Ходяков М. В. Эвакуация населения и жилищный фонд Ленинграда в 1942 г. // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 167–179.

3. *Byulleten LGS* [Bulletin of the Leningrad City Council of Working People's Deputies], 1941, no. 21-22.

4. *Byulleten LGS* [Bulletin of the Leningrad City Council of Working People's Deputies], 1941, no. 30.

5. *Byulleten LGS* [Bulletin of the Leningrad City Council of Working People's Deputies], 1943, no. 1-2.

6. *Byulleten LGS* [Bulletin of the Leningrad City Council of Working People's Deputies], 1943, no. 9-10.

7. Gavrilova O.A., Sun I. Renovaciya v usloviyah blokady: snos rajonov derevyannoj zastrojki v Leningrade. 1941–1942 gg. [Renovation Under the Blockade: Demolition of Wooden Buildings in Leningrad. 1941–1942]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2022, vol. 12, no. 4, pp. 853-869.

8. Guralnik N. Blokada Leningrada s 1942 po 1943 g. Zapis ot 10 noyabrya 1942 g. [Siege of Leningrad from 1942 to 1943. Record Dated November 10, 1942]. *Lichnyj arhiv Iriny Lukyanec* [Personal Archive of Irina Lukyanets].

9. *Domovyy fond Leningrada. Statisticheskij sbornik po materialam inventarizacii* [House Fund of Leningrad. Statistical Collection Based on Inventory Materials]. Leningrad, Lengerinventarbyuro, 1937. 208 p.

10. Ivanov V.A., Ivanov D.V. ZhKKh blokadnogo Leningrada (organizacionnye i pravovye aspekty funkcionirovaniya nizovyh struktur v 1941–1943 gg.) [Housing and Communal Services of Besieged Leningrad (Organizational and Legal Aspects of the Functioning of Grassroots Structures in 1941–1943)]. Chistikov A.N., ed. *Vojna i blokada. Sbornik pamyati V.M. Kovalchuka* [War and Blockade. Collection of Memory of V.M. Kovalchuk]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, pp. 97-112.

11. *Leningradskaya pravda: gazeta* [Leningradskaya Pravda. Newspaper]. Leningrad, 1942. March 18.

12. *Leningradskaya pravda: gazeta* [Leningradskaya Pravda. Newspaper]. Leningrad, 1942. March 19.

13. Manakov N.A. *V kolce blokady. Hozyajstvo i byt osazhdennogo Leningrada* [In the Ring of Blockade. Economy and Life of the Besieged Leningrad]. Leningrad, Lenizdat, 1961. 215 p.

14. Plany zhilishchnogo stroitelstva v 3-em pyatiletii (1938–1942 gody) [Housing Plans in the 3rd Five-Year Plan (1938–1942)]. *TsGA SPb* [Central State Archive of St. Petersburg], f. r-2076, inv. 2, d. 71, l. 9.

15. Cherepenina N.Yu., ed. *Povsednevnye dokumenty leningradcev v gody vojny i blokady 1941–1945 gg.* [Everyday Documents of Leningraders During the War and Blockade of 1941–1945]. Saint Petersburg, Art-Ekspress Publ., 2020. 236 p.

REFERENCES

1. Berggolts O.F. *Blokadnyj dnevnik: (1941–1945)* [Blockade Diary: (1941–1945)]. Saint Petersburg, Vita Nova Publ., 2015. 556 p.

2. Boldovskiy K.A., ed. *Blokada v resheniyah rukovodyashchih partijnyh organov Leningrada. 1941–1944 gg. Postanovleniya byuro leningradskih gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanij. Ch. II: Mart – dekabr 1942 g.* [Blockade in Decisions of the Governing Party Organs of Leningrad. 1941–1944, Collection of Documents. Resolutions of the Bureau of the Leningrad City Committee and the Regional Committee of the CPSU(b), Transcripts of Meetings. Part II: March – December, 1942]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2020. 1261 p.

16. *Pravila vnutrennego rasporyadka v kvartirah* [Rules of Internal Order in Apartments]. Moscow; Leningrad, Izd-vo Narkomhoz RSFSR, 1940. 16 p.

17. Prikazy po zhilishchnomu upravleniyu ispolkoma Lengorsoveta [Orders on the Housing Department of the Executive Committee of the Leningrad City Council]. *TsGA SPb* [Central State Archive of Saint Petersburg], f. r-1008, inv. 2, d. 23, l. 2.

18. Protokol zasedaniya № 66 ispolkoma Lengorsoveta [Minutes of the Meeting No. 66 of the Executive Committee of the Leningrad City Council]. *TsGA SPb* [Central State Archive of Saint Petersburg], f. r-7384, inv. 18, d. 1443, l. 287-290.

19. Razrabotka godovyh otchetov rajzhilupravlenij [Development of Annual Reports of District Housing Departments]. *TsGA SPb* [Central State Archive of Saint Petersburg], f. r-4965, inv. 1, d. 5280, l. 4.

20. Sobolev G.L., Khodjakov M.V. Protivoborstvo zhizni i smerti: nekotorye itogi izucheniya istorii blokady Leningrada [The Confrontation Between Life and Death: Some Results of Studying the History of the Siege of Leningrad]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2021, vol. 11, no. 2, pp. 294-323.

21. Cherepenina N.Yu., ed. *Stenogrammy zasedanij ispolkoma Leningradskogo*

Soveta. Zapisi obsuzhdenij, zamechanij k proektam, resheniya. 1941 – dekabr 1942 g.: sb. dok. [Transcripts of Meetings of the Executive Committee of the Leningrad City Council. Records of Discussions, Comments on Projects, Decisions. 1941 – December 1942. Collection of Documents]. Saint Petersburg, Art-Ekspress Publ., 2017. 440 p.

22. Chistikov A.N., Cherepenina N.Yu., eds. *Stenogrammy zasedanij ispolkoma Leningradskogo gorodskogo Soveta: yanvar – dekabr 1943 g. Zapisi dokladov, obsuzhdenij, zamechanij k proektam i resheniya: sb. dok.* [Transcripts of Meetings of the Executive Committee of the Leningrad City Council. Records of Discussions, Comments on Projects, Decisions. January – December, 1943. Collection of Documents]. Saint Petersburg, Art-Ekspress Publ., 2018. 640 p.

23. Khodyakov M.V. Bezhency v Leningrade i zhilishchnaya politika gorodskih vlastej na nachalnom etape vojny i blokady [Refugees in Leningrad and City Housing Policy in the Initial Stage of the War and the Blockade]. *Quaestio Rossica*, 2022, vol. 10, no. 2, pp. 455-468.

24. Khodjakov M.V. Evakuaciya naseleniya i zhilishchnyj fond Leningrada v 1942 g. [Evacuation of the Population and the Housing Stock of Leningrad in 1942]. *Novoe proshloe* [The New Past], 2022, no. 2, pp. 167-179.

Information About the Authors

Olga A. Gavrilova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Modern History of Russia, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, o.gavrilova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0372-1714>

Mikhail V. Khodjakov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Modern History of Russia, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation; Leading Researcher, State Memorial Museum of the Defense and Blockade of Leningrad, Solyanoj Lane, 9, 191028 Saint Petersburg, Russian Federation, m.khodyakov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8469-2590>

Информация об авторах

Ольга Александровна Гаврилова, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, o.gavrilova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0372-1714>

Михаил Викторович Ходяков, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Государственный мемориальный Музей обороны и блокады Ленинграда, Соляной пер., 9, 191028 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, m.khodyakov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8469-2590>